

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1897**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1897: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 756 с.

ISBN 978-5-458-42465-3

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1897. Выпуски 9-12 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев — историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-42465-3

© Издание на русском языке, оформление «YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

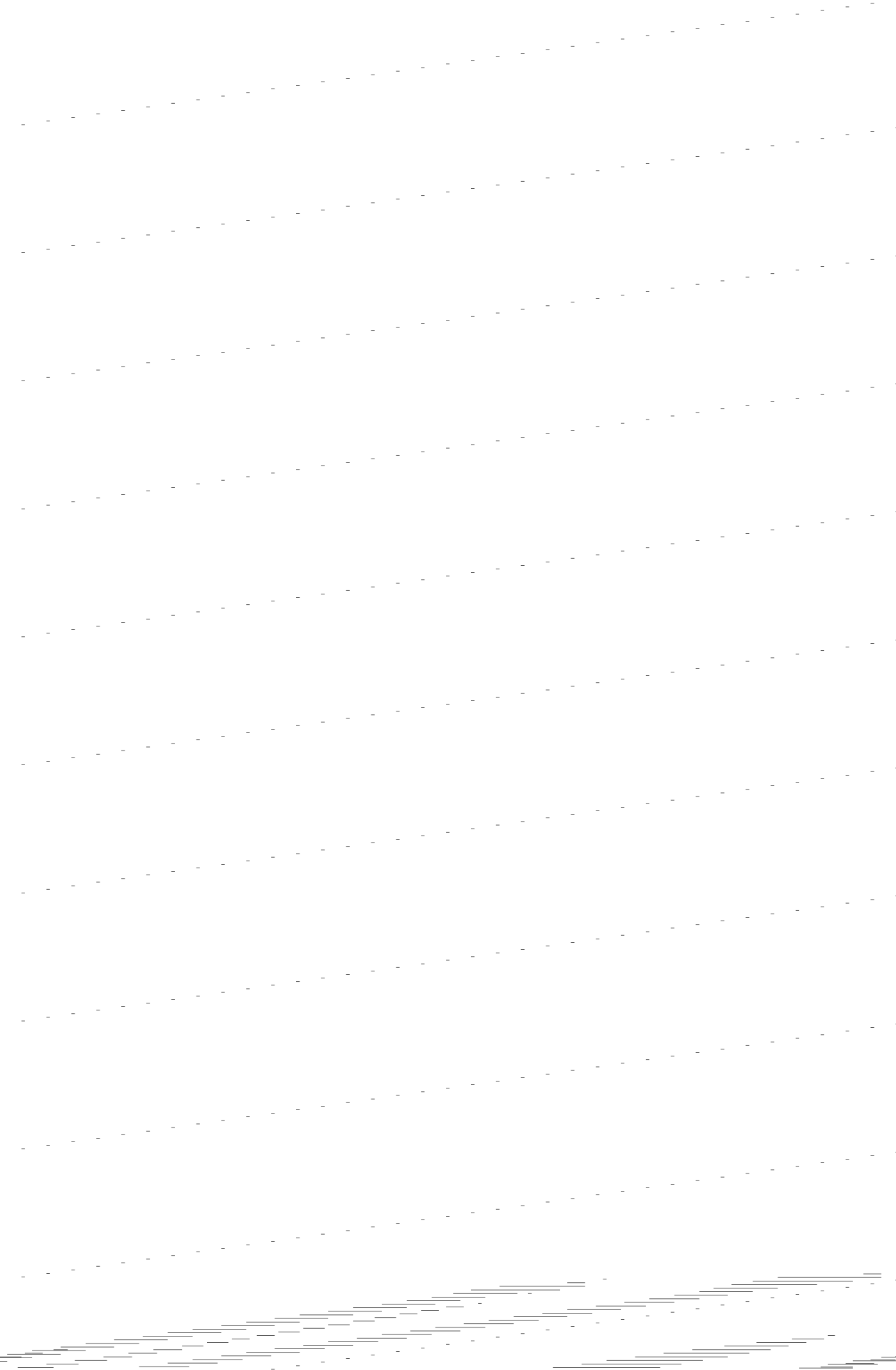
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЦАРИЦА МАРІЯ ВЛАДИМИРОВНА.

(род. 1608, сконч. 1625).

Посвящается памяти отца моего А. А. Васильчикова *).

Юная княжна Марія Владимировна, дочь князя Владимира Тимоѳеевича Долгорукова и третьей жены его, княжны Маріи Васильевны Барбашиной, была избрана самой великой старицей Марѳой Ивановной въ невѣсты къ сыну ея, царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову.

Отець княжны Марьи Владимировны велъ свой родъ отъ прапра-внука св. Михаила Всеволодовича Черниговскаго (замученнаго въ Ордѣ въ 1246 г.), отъ князя *Ивана Андреевича Долгорука*, который былъ старшимъ сыномъ князя Андрея Константиновича и внукомъ перваго князя Оболенскаго, Константина Ивановича, получившаго свое прозвание отъ его удѣла, села Оболенска на рѣкѣ Протвѣ, защищая который отъ Ольгерда онъ былъ убитъ въ 1368 г. *Иванъ Андреевичъ* былъ въ свою очередь прованъ, вѣроятно по длинѣ своихъ рукъ, *Долгорукииъ* и передалъ это имя своему потомству. Этого родоначальника Долгоруковыхъ, Ивана Андреевича, не надо смѣшивать съ другимъ потомкомъ Св. Владимира, носившимъ одинаковое съ нимъ прозвание, но жившимъ гораздо ранѣе, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, съ Юріемъ Владимировичемъ Долгоруковымъ, основателемъ Москвы.

Долгоруковы состояли въ родствѣ съ князьями Воротынскими, Пожарскими, Ромодановскими, Сицкими, Одоевскими, Репниными, Бариатынскими.

Дѣдъ княжны Марьи Владимировны, Тимоѳей Ивановичъ, сынъ Нижегородскаго воеводы Ивана Тимоѳеевича, прозваннаго Рыжео, внукъ

*) Директора Императорскаго Эрмитажа, автора прекрасной и единственной въ этомъ родѣ у насъ книги „Семейство Разумовскихъ“, недавно появившейся въ чужихъ краяхъ во Французскомъ переводѣ. Память Александра Алексѣевича Васильчикова незабвенна для тѣхъ, кому дороги успѣхи Русскаго самосознанія. Его изслѣдованія одушевлены и согрѣты любовью къ предкамъ, которые воскресли въ его книгѣ съ достоинствами и недостатками. Многихъ пріохотилъ онъ дорожить родными преданіями, и между прочимъ ему принадлежитъ починъ въ изданіи „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

Тимоѣя Владимировича, третьяго сына Владимира Ивановича, и правнукъ *Ивана Андреевича Долгорука*, началъ службу до 1550 года. Въ 1579 году оиъ пожалованъ околицкимъ и оставленъ въ Москвѣ вторымъ осаднымъ воеводою, во время отъѣзда царя Іоанна Грознаго въ Ливонскій походъ; скончался оиъ въ 1581 году. Второй сынъ его, *Владимиръ*, началъ съ молодыхъ лѣтъ нести службу царскую въ званіи стольника, затѣмъ находился воеводою въ Пронскѣ, 1588—1591, участвовалъ въ походѣ подъ Нарву въ 1590 году, подъ предводительствомъ самаго царя Ѳедора Іоанновича (походъ этотъ кончился взятіемъ Ямъ, Иванъ-города и Копорья и перемиріемъ на годъ). Лѣтомъ 1591 года Шведы, воспользовавшись пашествіемъ хана Казы-Гирея, вновь явились близъ Гдова (на Чудскомъ озерѣ), разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ воеводу Владимира Тимоѣевича. Два года провелъ князь въ плѣну и былъ выкупленъ въ 1593 году. Въ 1598 году оиъ посланъ строить городъ на рѣкѣ Койсѣ и защищалъ южныя границы отъ Крымцевъ, въ 1600 году воеводствовалъ въ Чебоксарахъ, съ 1604 по 1606 годъ въ *Теркахъ* (на рѣкѣ Терекѣ), а въ 1607 году возведенъ въ степень боярина, чтѣ призывало его въ Москву. Къ этому времени слѣдуетъ отнести его третью женитьбу; ибо, если предположить, что княжнѣ Марьѣ Владимировнѣ во время ея избранія въ супруги царю, шелъ шестнадцатый годъ (самый подходящий возрастъ по понятіямъ того времени для вступленія въ бракъ), то годомъ ея рожденія будетъ 1608 годъ, чтѣ вполне согласуется со вступленіемъ князя Владимира Тимоѣевича въ третій бракъ въ 1607 г.; отнести же года третьяго брака и рожденія княжны къ болѣе отдаленному времени не приходится: ибо въ 1604 и 1606 году князь былъ на воеводствѣ въ Теркахъ, на Кавказѣ, а въ 1607 году находился въ Москвѣ, гдѣ могъ встрѣтить свою невѣсту. Время его двухъ первыхъ женитьбъ также неизвѣстно; знаемъ только, что въ первый разъ князь взялъ за себя вдову князя Дмитрія Петровича Елецкаго, Марію, дочь Василя Петровича Поздреватаго, Зарайскаго воеводы, и что, такъ какъ кн. Марія Васильевна овдовѣла въ 1586 г., то бракъ ея съ княземъ Владимиромъ Тимоѣевичемъ могъ состояться никакъ не раньше 1587, чтѣ совпадаетъ со временемъ воеводства Владимира Тимоѣевича въ Пронскѣ въ 1588, такъ что около 1587—1588 годовъ можно поставить время его перваго супружества. Во второй разъ князь женатъ былъ на дѣвицѣ Нащокиной, дочери Петра Аѳанасьевича *).

*) По словамъ Петрова отъ этихъ двухъ браковъ родились у князя двѣ дочери: Марѳа Владимировна за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ, чтѣ невѣрно, ибо жена Шуйскаго именовалась Марѳой Васильевной (см. Деорцовые Разряды) и другая дочь княжна Ѳетинья Владимировна, бывшая за княземъ Юріемъ Авдреевичемъ Сидкинымъ

Въ третій разъ Владимиръ Тимоѳевичъ сосваталъ себѣ княжну *Марію Васильевну Барбашину*, дочь стараго воеводы Василія Ивановича Барбашина, тридцать лѣтъ воевавшего на Литовской границѣ и въ Ливоніи и бывшаго въ 1571 году воеводою въ Тарусѣ, на рѣкѣ Упѣ. Василій Ивановичъ велъ свой родъ отъ перваго князя Суздальскаго Андрея Ярославича, брата Св. Александра Невскаго. Послѣ 1571 года, имя князя Барбашина болѣе не упоминается, и можно предположить, что онъ послѣ того времени уже удалился на покой.

Княгиня Марія Васильевна родила своему князю двухъ дочерей: княжну Марію Владимировну въ 1608 году и княжну Елену Владимировну (годы рожденія и кончины ся, какъ и судьба ся, неизвѣстны). Въ 1608 году кн. Владимиръ Тимоѳевичъ, по указу царя Василія Шуйскаго, сопровождалъ пана Мшипка и развѣнчанную дочь его въ Польшу. Ѣхали они окольными путями, черезъ Угличъ и Тверь: ибо отрядъ у князя былъ маленькій, а Поляки разсѣяны были по всей странѣ. Цѣлый мѣсяцъ пробирался князь по мѣстамъ пустыннымъ, то болотистымъ, то лѣсистымъ; иной разъ приходилось прокладывать дорогу топоромъ, и часто всѣ терпѣли отъ недостатка въ продовольствіи. На пути къ крѣпости Бѣлой, отрядъ князя былъ настигнутъ Александромъ Зборовскимъ; произошла небольшая стычка, въ которой Поляки одержали верхъ и, захвативъ Марину съ отцомъ, отвезли ихъ въ Тушино (Смутное Время, у Иловайскаго, стр. 96). Не смотря на то, князь Владимиръ Тимоѳевичъ остался близкимъ человѣкомъ при царѣ Василѣ и когда престолъ его заколебался отъ внутреннихъ смуть и натиска со стороны Поляковъ извнѣ, кн. Владимиръ Тимоѳевичъ былъ однимъ изъ немногихъ остававшихся вѣрными Шуйскому. Не изъ личной привязанности, но по сознанию долга, служилъ онъ подпорой колебавшемуся правительству. Онъ отличался горячей любовью къ отчизнѣ, пользовался и въ думѣ боярской, и во всей Москвѣ заслуженнымъ уваженіемъ, былъ мужемъ ума и совѣта и нерѣдко собиралъ у себя въ домѣ князей и бояръ вѣрныхъ отечеству (Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ, стр. 11—12). Послѣ паденія Шуйскаго, когда Жолтѣвскій подступилъ къ Москвѣ и предлагалъ въ цари королевича Владислава, Москва и дума боярская раздѣлились на три стороны. Большая часть думы желала возвести на престолъ князя Мстиславскаго, съ ограниченіемъ власти; духовенство и воеводы хотѣли князя Василія Голицына, а часть дѣтей боярскихъ стояла на томъ, чтобы вѣнчать

и принявшая по его смерти монашество и схиму; но объ этомъ и слѣда нѣтъ въ родословной Долгорукова, хотя дѣйствительно княгиня Ѳетинья Сидкая по отцу была Владимировна.

царемъ митрополита Филарета Никитича Романова. Изъ всей думы боярской примкнули къ нимъ только двое: князь Владимиръ Тимоѣевичъ, котораго соединяла съ Филаретомъ Никитичемъ тѣсная дружба, и бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, мужъ государственнаго ума, женатый на родной племянницѣ Филарета Ирпѣ Борисовнѣ Черкасской. Князь Владимиръ Тимоѣевичъ находился въ Москвѣ и послѣ присяги Владиславу. Тѣсняемая Поляками, боярская дума издала тогда нѣсколько предписаній, вынужденныхъ отъ нея силой; она предписала посламъ, митрополиту Филарету и кн. Голицыну, уважать волю короля Польскаго и велѣла боярину Шейпу немедленно сдать Смоленскъ Сигизмунду. Этотъ приговоръ подписали 17 бояръ; трое изъ нихъ оказались безграмотными, и за нихъ росписались другіе. Къ числу безграмотныхъ принадлежалъ и князь Владимиръ Тимоѣевичъ (Смутное Время, у Иловайскаго 303).

Въ началѣ Апрѣля 1612 года мы находимъ князя Владимира въ Ярославѣ во главѣ втораго ополченія, товарищемъ Пожарскаго. Съ прочими боярами приложилъ онъ руку на грамотѣ къ Вологодцамъ, въ которой они извѣщались о сборѣ всеобщаго ополченія, о незаконной присягѣ Псковскому самозванцу съ просьбою о присылкѣ выборныхъ людей для земскаго совѣта и денежной казны на жалованье ратнымъ людямъ. Затѣмъ князь защищалъ отъ Поляковъ Псковъ и Тверь (Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ). Въ 1615 году отправленъ земскимъ совѣтомъ въ Нижній-Новгородъ, приводить людей къ присягѣ царю Михаилу Ѳеодоровичу. (Двор. Разр. 1086). Въ 1615 г. онъ назначенъ воеводою въ Казань вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Гагаринымъ и дьяками Андреемъ Подлѣсовымъ и Аѳанасіемъ Истоминымъ. Здѣсь въ 1619 году застало его радостное извѣстіе о возвращеніи изъ плѣна Филарета Никитича. Не подлежитъ сомнѣнію, что княгиня Марія Васильевна и малолѣтняя княжна Марія поѣхали за княземъ на его воеводство въ Казань, гдѣ и провели послѣдующіе годы. Но гдѣ скрывалась мать съ дочерью во время пожара и грабежа Москвы Поляками? Ютились ли онѣ близъ своего естественнаго защитника, были ли отосланы имъ въ отдаленную вотчину, или за крѣпкія стѣны монастыря, неизвѣстно. Можно почти безошибочно утвердить, что отъ *семи* до *одиннадцати* лѣтъ княжна провела въ Казани, вѣроятно молилась тамъ у мощей святителей Гурія и Варсонофія и каждую весну могла любоваться на величественный разливъ Волги, которая въ половодье подходитъ къ самому городу. По возвращеніи Филарета, кн. Долгоруковъ прибылъ въ Москву, засѣдалъ въ боярской думѣ и судьбою въ Судномъ Патріаршемъ Приказѣ, пользовался значительнымъ вѣсомъ и очень часто обѣдалъ у Государя и патріарха.

Дружба его съ Филаретомъ, родственныя связи съ знатнѣйшими боярами, вѣроятно и личныя достоинства молодой княжны подали великой старицѣ Марѣ Ивановнѣ мысль избрать ее себѣ снохою. Выборъ казался вполне подходящимъ; но не такъ думалъ самъ молодой царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Влюбленный въ свою красавицу-невѣсту (1616 г.) Анастасію Хлопову, такъ безсердечно оклеветанную Салтыковыми въ порчѣ и навсегда удаленную ими въ Тобольскъ отъ его любви и вѣнца брачнаго и царскаго въ безвинное изгнаніе, Михаилъ Ѳеодоровичъ семь лѣтъ оставался вѣрнымъ дорогой ся памяти и не рѣшался раздѣлить свою судьбу съ другою дѣвушкой. Цѣлый почти годъ Михаилъ Ѳеодоровичъ не поддавался увѣщаніямъ матери; но та заклалась, что не быть Анастасіи на царствѣ; а годы все шли, Михаилу Ѳеодоровичу исполнилось 28 лѣтъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ женить его на Датской принцессѣ (1621) или на Бранденбургской (1623), не пожелавшихъ перемѣнить свою лютеранскую вѣру, наконецъ «царь смирился, презрѣлъ себя Бога ради», не захотѣлъ разлучиться съ матерью, склонился предъ ея любовью, «аще и не хотя, но матери не преслушавъ, поять вторую царицу Марью» (Забѣлинъ, Бытъ Русск. Царицъ 253).

12 Юля 1623г., въ день ангела царя, княжна Марія Владимировна наречена царскою невѣстою. Избраніе это совершилось вѣроятно въ тайнѣ, безъ всякаго торжества, ибо дворцовыя разрядныя книги, упоминая объ именинномъ столѣ, бывшемъ въ этотъ день у Великаго Государя въ Золотой палатѣ, перечисляя всѣ дары, поднесенные по обычаю царемъ своему отцу и приводя дословно рѣчь, какую при этомъ говорилъ дьякъ патріарху отъ имени Царя, ни словомъ не упоминаютъ о новоизбранной царской невѣстѣ; не видно даже отца княжны, князя Владимира Тимоѣевича въ спискѣ званыхъ къ столу бояръ. Точно также 8 Сентября, во время пира у Государя въ столовой избѣ, за рѣчью, говоренной отъ имени Царя дьякомъ Жданомъ Шиповымъ, во время явки даровъ патріарху, въ которой упоминается и о Марѣ Ивановнѣ и о князѣхъ, боярахъ и христіаномъ воинствѣ, ни слова о Марѣ Владимировнѣ, и это было за 6 дней до ихъ свадьбы. Избраніе явнаго не было, и Марія Владимировна, во избѣжаніе тѣхъ козней, коихъ сдѣлалась жертвой первая невѣста Царя, была введена, вѣроятно, во дворецъ лишь за недолгое время до вѣнца, какъ была позже Евдокія Лукьяновна, всего за три дня. Введеніе невѣсты въ царскій теремъ сопровождалось обрядомъ ея царственнаго освященія; съ молитвою нареченія, возлагали на нее царскій дѣвичій вѣнецъ и нарекали ее царевною. (Забѣлинъ, Б. Р. Царицъ, 226). Для царицы поставлены были новыя палаты (Забѣ-

ливъ тамъ же, 61 — 62); въ Вознесенскомъ монастырѣ началась кройка бархатовъ и атласовъ для его «государевой радости»; всего пошло 280 аршинъ, всѣхъ самыхъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ радуги: бѣлаго, желтаго, синяго, малиноваго, алаго, темно-алаго, красно-алаго, зеленаго, свѣтло-зеленаго, темно-зеленаго, травнаго, двосличнаго и рудожелтаго; а въ мастерской палатѣ, чтò вверху, своимъ чередомъ шились платья изъ бархатовъ золотныхъ, Турецкихъ, по червчатой землѣ, атласовъ съ золотыми травами по бѣлой землѣ, атласовъ Турецкихъ; круги золотые, островатые по червчатой землѣ, всего на сумму 315 рублей (Забѣлинъ, 61). Сентября 10 отпущено 99 золотниковъ серебра волоченаго, вѣроятно на шитье или кишенье (на кисти) свадебныхъ ширинокъ, въ Вознесенскій монастырь. Государю скроили терликъ (узкій кафтанъ съ перехватомъ, съ короткими рукавами, почти безъ сборокъ) изъ платна (платно — торжественная верхняя одежда, съ широкими и короткими рукавами), Крымскаго атласа, по малиновому полю котораго затканы были золотые круги и цвѣты бѣлые и желтые. Въ Шатерномъ Приказѣ изготовляли нарядные полавочники изъ зеленаго бархата, одни затканые серебромъ съ алымъ шолкомъ, другіе изъ серебрянаго газета въ червленыхъ (малиновыхъ) бархатныхъ разводахъ (полавочники—ковры постилавшіеся по лавкамъ въ торжественныхъ случаяхъ). Въ окна Грановитой Палаты повѣсили алая суконныя занавѣски; къ Государынѣ въ новые хоромы отпустили 30 аршинъ сукна багроваго, 9 юфтей сафьяновыхъ, да три кожи бараньихъ красныхъ для оконъ и дверей, къ ней же въ новые хоромы на обтирку (пыли на лавкахъ и столахъ) аршинъ сукна лятчины лазоревой за 8 алтынъ 2 деньги, взялъ истопникъ Проня Ушаковъ; да къ ея же колымагѣ отпущено на занавѣски 12 аршинъ желтой тафты, а на подушечки на оглобляхъ 3¼ арш. тафты Венецейки червчатой, кармазину; въ Конюшенный Приказъ отпущены два ковра золотныхъ, одинъ попроце въ 40 рублей съ кистями изъ зеленаго шелка съ золотомъ, другой бархатный пестрый, затканый серебромъ въ 100 рублей съ кистями изъ разноцвѣтнаго шелка и золота. Въ сѣнникѣ (или подклѣтѣ), гдѣ надлежало приготовить опочивальню молодымъ, дверь обили червчатымъ сукномъ по два рубля аршинъ, пошло 3½ арш., постельничій Константинъ Михалковъ принялъ 12½ пудовъ ваты по 4 рубля за пудъ, вѣроятно для набивки матрацовъ. Сшили два одѣяла: одно парадное изъ бѣлаго атласа въ золотыхъ и серебряныхъ кругахъ, подбитое соболями, опушенное бобромъ, другое меньшаго наряду, изъ червленнаго атласа, затканное золотомъ на соболяхъ съ горностаевой оторочкой. Двери у Государя въ новой мыленкѣ, гдѣ онъ долженъ былъ мыться на другой день свадьбы, ровно какъ и окна въ ней,

обиты были съ многочисленными рѣзными желѣзными украшеніями (замками, крюками, засовами) двѣнадцатью аршинами сукна. Къ иконѣ Барловской Богоматери, именуемой шпаче «Благодатное Чрево», у Государя въ верху, подвѣшена пелена низанная жемчугомъ и украшенная дробницами съ изображеніями святыхъ (взялъ крестовый дьякъ Иванъ Семеновъ). На шесть сголовиць (сголовье—изголовье: цилиндрическія подушки, которыя въ торжественныхъ случаяхъ клались на скамьи поверхъ полавочниковъ) да на полоторный столъ, взято 11½ аршинъ сукна, багрецу червчатого. Государынѣ для ея даровъ (т. е. пиринокъ и убрусовъ), полотенець (шитыхъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ, раздававшихся роднымъ и гостямъ отъ невѣсты въ день свадьбы); куплена въ коробейномъ ряду за 2 гривны царицинымъ чеботникомъ Иваномъ Галкой осиповая лубяная коробья, росписаная красками съ замкомъ (Забѣлинъ, 106). Вездѣ кипѣла работа, все украшалось для приѣма молодой княжны и для свѣтлой государевой радости. Дороги намъ всѣ эти подробности о приготовленіяхъ царской свадьбы, но еще дороже было бы имѣть хоть нѣсколько личныхъ чертъ, которыя бы обрисовали молодую царскую невѣсту; но ихъ къ сожалѣнію нѣтъ, и молодая царица скрыта отъ насъ какъ бы туманомъ. Да къ тому же въ старину на Руси мало было простора для проявленія личности, особенно царской; она сковывалась рамой вѣковыхъ обычаевъ строго и неизмѣнно; каждый шагъ ея былъ предусмотрѣнъ, для каждой важной минуты ея жизни, какъ то сватовство, замужество, смерть близкихъ, былъ заранѣе обдуманъ плачь дѣйствія, даже слова и цѣлыя фразы; такимъ образомъ за обычаями ступевывалась личность.

14 Сентября 1623 г. Государь, посовѣтовавшись съ отцемъ своимъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ, указалъ кому быть на его Государевой радости въ *чинахъ* (т. е. кому быть посаженнымъ отцемъ, кому тысяцкому, кому дружками, свахами), при чемъ приказалъ: мѣстами не считаться и жалобъ не подавать, «а для укрѣпленія указалъ Государь государственный указъ подписать думнымъ дьякамъ и своею государскою печатью запечатать». Однако, не смотря на это предостереженіе, и тутъ не обошлось безъ недовольныхъ. Князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій жаловался на то, что Иванъ Борисовичъ Черкасскій (его двоюродный братъ, въ тоже время двоюродный братъ царя Михаила Феодоровича по матери своей Марѣѣ Никитичнѣ, сестрѣ патріарха Филарета) назначенъ въ тысяцкіе, а онъ только въ дружки. Бояринъ князь Дмитрій Тимоѣевичъ Трубецкой (сподвижникъ Минина и Пожарскаго, получившій въ 1613 году вотчину Вагу, вывѣшній Шенкурскъ, «за многія службы и за радѣніе, и

за промысль и за дородство, и за храбство, и за правду, и за кровь» намѣстникъ въ Сибири, скончался въ Тобольскѣ 24 Іюня 1625 года, тѣло его перевезено въ Троицко-Сергіевскую Лавру), билъ челомъ на князя Ивана Шуйскаго, брата царя Василя. Михаилъ Борисовичъ *Шеинъ* (славный защитникъ Смоленска въ 1611, казненный въ 1634 году за сдачу этого же города) билъ челомъ государю, что въ его версту съ княземъ Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ никто не бывалъ и его бы отечеству впередъ въ томъ порухи не было. Но эти челобитныя оставлены безъ вниманія, и недовольные смирились; не покорился одинъ только князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ (окольникъ въ 1592 году, бояринъ въ 1597 г.), назначенный быть въ сидячихъ боярахъ съ женою своею княгинею Ульяной Ивановной пониже князя Ивана Ивановича Шуйскаго и его княгини Марѣы Васильевны. Онъ билъ челомъ объ этомъ безчестіи царю и патріарху, говоря, что ему меньше бояръ князь Ивана Шуйскаго, да князь Дмитрія Тимоѣевича, который написанъ у царицы первый бояринъ, а онъ у Государя въ другихъ, нельзя быть. На это Государь велѣлъ сказать князю Голицыну, что по ихъ государскому указу велѣно имъ быть безъ мѣсть, и онъ бы князь Иванъ на его государской радости былъ по его государеву указу безъ мѣсть по тому, какъ имъ сказано, и тѣмъ его государскому дѣлу порухи не чинилъ; а не будетъ онъ князь Иванъ, и ему быть въ опалѣ. Да и самъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, «Московскій и всея Руссіи», боярину князю Ивану Голицыну говорилъ, чтобъ онъ на государевой радости былъ безъ мѣсть, а отечеству его въ томъ порухи не будетъ. И бояринъ князь Иванъ Голицынъ государева указу не послушалъ и говорилъ: въ томъ ихъ государская воля, хоть вели государь казнить, а ему по той сказкѣ бояръ князь Ивана Шуйскаго и князь Дмитрія Трубецкаго меньше быть никакъ нельзя. И думный дьякъ Иванъ Грамотинъ сказывалъ про то Государю и патріарху, а Государь и патріархъ сослались черезъ того же дьяка на мнѣніе бояръ, и думный дьякъ про то сказывалъ боярамъ, и бояре говорили, что князь Иванъ Голицынъ учинилъ то измѣною, что на государевой радости быть не хочетъ, а государская милость ко всѣмъ къ нимъ, что бытъ указалъ Государь на своей государской радости всѣмъ имъ безъ мѣсть, и въ князь Ивановѣ непослушаньи и измѣнѣ ихъ государская воля, а князь Иванъ по своей винѣ достоинъ всякаго наказанья и разоренья. И Государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руссіи, и отецъ его государевъ, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руссіи указали князь Ивана Голицына, за его непослушанье и измѣну, помѣстья и вотчины отписать на себя Государя и помѣстья въ раздачу роздать, а